

005001672

На правах рукописи

Бычков Дмитрий Михайлович

**АГИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В РУССКОЙ ПРОЗЕ
КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

1 0 НОЯ 2011

Астрахань – 2011

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Астраханский государственный университет».

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор *Геннадий Григорьевич Исаев*.

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор *Альфия Исламовна Смирнова*
(Московский городской педагогический университет);

кандидат филологических наук,
доцент *Ирина Вячеславовна Великанова*
(Волгоградский государственный университет).

Ведущая организация – Педагогический институт Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Саратовский государственный национальный исследовательский университет имени Н.Г. Чернышевского».

Защита состоится 25 ноября 2011 г. в 13.00 на заседании диссертационного совета ДМ 212.009.11 по присуждению учёной степени доктора и кандидата наук по специальностям 10.01.01 – русская литература и 10.02.01 – русский язык в ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный университет» по адресу: 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20-а, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный университет».

Текст автореферата размещен на сайте ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации: <http://vak.ed.gov.ru>.

Автореферат разослан 22 октября 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

Завьялова Е.Е.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В новейшей русской литературе актуализировалось значение агиографической традиции, которая постепенно возвращается в эстетическое сознание автора и читательской аудитории, перемещаясь из периферии к центру историко-литературного процесса, что, по словам Ю.М. Лотмана, определяет динамику культурного развития, литературной эволюции и практики читательской деятельности.

Актуальность исследования. Преемственность – объективная закономерность эволюции литературы. Вопрос о наследовании традиций и проблема их творческого развития остаются актуальными для современной науки. Несмотря на обилие работ, посвященных теории традиции (А.С. Бушмин, Д. Дюришин, Ю.Б. Боров), в том числе традиции агиографии (А.С. Растягаев, С.Ю. Николаева, Н.В. Лукьянчикова, И.В. Бобровская, О.Н. Бахтина и др.), литературоведческая практика ее изучения несовершенна, поскольку не всегда коррелирует с жанровым анализом, рецепцией предтекста и канона. Трансформация агиографического жанра и его художественное восприятие в современной прозе не являлись предметом самостоятельного исследования. Между тем изучение традиций житийной литературы и их творческого переосмысления позволяет расширить представление о жанровых исканиях русской прозы конца XX – начала XXI века.

Объектом исследования являются наиболее репрезентативные с точки зрения проблемы преемственности агиографической традиции произведения Д. Балашова, С. Василенко, Л. Улицкой, М. Кучерской, И. Бояшова и др.

Предмет исследования – процесс ретрансляции агиографической традиции в русской прозе конца XX – начала XXI века.

Цель работы состоит в выявлении механизма трансформации агиографической традиции в художественных произведениях современной русской прозы.

В соответствии с целью исследования были поставлены следующие задачи:

- определить типы деканонизации агиографического жанра в отечественной прозе 1980–2000-х гг.;
- выявить элементы поэтики, характерные для жанровой модели «агиоромана»;
- обозначить варианты репрезентации феномена святости в иножанровых контекстах.

Научная новизна настоящей работы заключается в том, что впервые представлена типология форм взаимодействия жанров современной русской прозы с агиографией, проведен анализ произведений middle-литературы в свете агиографической традиции, введен в научный оборот

термин «агиороман», выявлены особенности поэтики этой жанровой разновидности.

Теоретико-методологической базой диссертации послужили фундаментальные литературоведческие труды о русской агиографии и средневековой культуре В.П. Адриановой-Перетц, А.Я. Гуревича, Д.С. Лихачева, А.М. Панченко; научные работы по теории и истории жанра М.М. Бахтина, С.Н. Бройтмана; по вопросам литературной эволюции Ю.Н. Тынянова, Д. Дюришина, Ю.Б. Борева; а также историософские сочинения Н.А. Бердяева, П.А. Сорокина.

Специфика предмета исследования продиктовала использование следующих методов: историко-функционального, сравнительно-исторического, структурного, интертекстуального анализа.

Теоретическая значимость диссертации определяется разработкой принципов классификации форм диалога жанров древнерусской и современной литературы, уточнением содержания понятия «агиографическая традиция», выявлением особенностей поэтики жанра «агиоромана».

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в вузовских и школьных курсах «Истории русской литературы XX века», а также спецкурсах и спецсеминарах, посвящённых проблеме древнерусской традиции в современной литературе.

На защиту выносятся следующие положения:

1. К основным типам деканонизации агиографии необходимо отнести модификацию предтекста и трансформацию канона. Модификация связана с обновлением идейно-художественного содержания предтекста, презентует «воссоздающий» тип творчества и читательской рецепции. Жанр агиографии присутствует в основном тексте как «образ жанра», как «изображённый жанр». В некоторых случаях переложение текста-источника направлено на редукцию жанра и идейно-художественного содержания предтекста, а в других – амплификацию генотипа и жанровой топики. Трансформация житийного канона нацелена на оригинальное воссоздание конвенциональных принципов жанра в непрямом художественном дискурсе, актуализирует мотивы и образы претекста и продуцирует «пересоздающий» тип творчества. В архитектуральной основе романа обнаруживается древнерусский житийный канон, представленный определённым набором наиболее устойчивых элементов.

2. «Мышление жанрами», стремление к осознанному воспроизведению житийного канона и некоторого отклонения от жанровой нормы реализуется в произведениях, принадлежащих к новому видовому образованию – к «агиороману». Жанровая модель «агиоромана» образуется по принципу сложения элементов поэтики, определённых

агиографическим каноном: а) вершинная система персонажей (главный герой – персонаж житийного типа); б) сакрализация хронотопа; в) использование средств создания образа идеального человека, стилистических клише агиографии; г) обращение к евангельскому тексту и иконографии. Жанровые принципы агиографии проявляются также в мотивной и сюжетно-композиционной организации, в особой позиции автора-повествователя.

3. Сознание автора и читателя конца XX столетия являются теми факторами, которые обуславливают особенности трансформации житийного канона и художественной рецепции феномена святости. В русской прозе начала XXI века обнаруживается стремление к репрезентации агиографической традиции в иноментальном контексте таких жанровых разновидностей, как детектив, «апокалипсический роман», «клерикальная проза».

Апробация диссертации: основные положения и выводы нашли отражение в докладах на Международной интернет-конференции «Картина мира в художественном произведении» (Астрахань, 2008), II Международной научно-практической конференции «Язык и литература в условиях многоязычия» (Нефтекамск, 2008), III Кирилло-Мефодиевских чтениях (г. Астрахань, 2008 г.), XXXI Зональной конференции литературоведов Поволжья (Елабуга, 2008), Всероссийской научно-практической конференции «Сказка: научный подход к детскому жанру» (Нижний Тагил, 2008), Международной научно-практической конференции «Стратегические пути развития науки – 2009» (Прзмышль, Польша, 2009), Международной научной конференции «Пограничные процессы в литературе и культуре» (Пермь, 2009), IV Кирилло-Мефодиевских чтениях (Астрахань, 2009), XXXII Зональной конференции литературоведов Поволжья (Астрахань, 2009), Международной научной конференции «Поэтика пародирования: серьезное и смешное» (Самара, 2010), Всероссийской интернет-конференции с международным участием «Святоотеческие традиции в русской литературе» (Омск, 2010) и др. Результаты исследования представлены в главе «“Где оно, расстояние в шесть столетий?...” Житийная картина мира в русской прозе конца XX века: специфика хронотопа» коллективной монографии «Художественная картина мира в фольклоре и творчестве русских писателей» (Астрахань, 2011).

По теме диссертации имеется 20 публикаций.

Структура работы определяется целью и поставленными задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении дается обзор научной литературы о русской агиографии и житийной традиции, характеризуется состояние изученности проблемы преемственности, обосновываются цели и задачи настоящего исследования, определяются актуальность и научная новизна диссертации, объект и предмет изучения, излагается теоретическая и практическая значимость полученных результатов, формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Модификация агиографического предтекста в русской прозе конца XX века» включает в себя три раздела. В первом разделе «Сегмент предтекста в "портрете" Ю. Куранова "Сергий Радонежский"» выявляется одно из продуктивных направлений творческой модификации житийного предтекста – сегментация агиографического сочинения на значимые фрагменты, составляющие в аутентичном тексте композиционное целое. Жанрообразующие принципы агиографии порождают художественное произведение «свёрнутого» типа трансформации (М.Ю. Звягина). Произведение Ю. Куранова демонстрирует отклонение от жанрового канона житийного сочинения, в результате которого возникает уникальная жанровая модификация. «Свёртывание» жанровой формы происходит за счёт особых способов построения событийного ряда, акцента на деталях-символах, отказа от мотивировок поступков персонажей. Система событий восстанавливается в сознании читателя благодаря знанию предтекста. Так возникает образец импрессионистского художественно-образного «портрета», в границах которого ассимилированы начала других жанровых форм, в том числе и редуцированной агиографии.

Второй раздел «Парафраза жития в очерке Ю. Лощица "На полях жития"» посвящен анализу другого типа модификации канонического предтекста. Жанровое своеобразие данного произведения диктуется реализацией авторской целевой установки – подачи образно-иллюстративной информации, в контексте которой житие преподносится как «образ жанра». Произведение Ю. Лощица «На полях жития» предполагает ситуацию литературного контакта с древнерусским памятником агиографической словесности.

Сюжет жития Сергия Радонежского воплощен в жанре беллетристического очерка, что обуславливает такие художественные свойства произведения Ю. Лощица, как установку на достоверность, бытоописательность, фактографичность, документальность, прямую авторскую оценку, публицистичность стиля. В противоположность агиографическому канону организующим центром произведения становится образ автора. В очерке Ю. Лощица особую роль играет метаповествовательное начало, представленное автокомментарием к предтексту, полемикой с альтернативной точкой зрения в исторической

литературе. Авторская рефлексия направлена на осмысление художественных приемов и средств создания жития. Структурно организующим элементом является «сюжет об авторе», разворачивающийся параллельно сюжету о святом.

В произведении сопряжены три стилевых плана – публицистического (очерк), художественного (парафраз жития Сергия Радонежского), научного (популярная статья о произведении Епифания Премудрого). Подобное взаимодействие дискурсов обуславливает субъектную сферу произведения: субъект речи воплощает различные виды сознания – религиозно-философский, социально-политический, национальный.

Хронотоп очерка Ю. Лошица зеркально отражает художественное пространство и время жития Сергия Радонежского. Организующим началом является мотив путешествия / паломничества. Вместе с этим пространственно-временные образы в произведении отличаются локальностью и универсальностью (ростовские земли и образ России).

Смещение акцента с «бытийного» (продуцированного ортодоксальным сознанием агиографа) на «бытовое» (определяемое художественным сознанием современного автора) мотивировано реинтерпретацией средневекового текста.

Третий раздел «Амплификация агиографического предтекста в романе Д.М. Балашова "Похвала Сергию"» состоит из двух параграфов.

В первом параграфе «Рецепция агиографии в романе» анализируется концепция житийной литературы, сформировавшаяся в творчестве Д.М. Балашова.

Историко-биографический роман «Похвала Сергию» представляет собой амплификацию предтекста. Межтекстовые связи романа с агиографическим сочинением Епифания Премудрого выражаются в форме прямой цитации.

В художественной регенерации агиографии сказывается читательский опыт писателя, проявляются научные и публицистические интенции профессионального историка. Эволюция агиографической традиции в творчестве Д.М. Балашова обусловлена становлением историософии писателя, восходящей во многом не только к теории этногенеза Л.Н. Гумилева, но и к размышлениям В.О. Ключевского. С В.О. Ключевским Д.М. Балашова сближает особое внимание к выверенности хронологической канвы жизни и исторических событий эпохи, что свидетельствует об определенной доле критичности в авторской рецепции житийного текста. Хроникальный принцип организует сюжет романа. Создавая свой роман и вычисляя хронологию жизни святого, писатель в отношении неточности источниковедческих указаний ссылается на опыт прожитой жизни. Рецепция агиографии обосновывается «историко-художественным» подходом к текстовому материалу.

Древнерусская агиография для автора – сфера разрешения «клятых вопросов» о личности святого и государственной власти, о предельной степени влияния святого праведника на общество. Житийное сочинение о Радонежском, перелагаемое Д.М. Балашовым в историко-биографическом романе, воплощается в контексте русской исторической панорамы, фокусирует ключевые вопросы отечественной историософии.

Рецепция агиографии Д.М. Балашовым проявляется во всем концептуальном объеме исторического романа, прямых авторских высказываниях, а также в сюжетно-композиционном строе произведения. Вместе с тем автор не становится центральным героем, хотя его точка зрения носит доминирующий характер и его слово несет отпечаток «авторитарности» (М.М. Бахтин).

Особенность концепции истории, изложенной в романе, заключается в том, что время представлено не только в историческом течении, а разомкнуто между двумя полярными точками (XIV и XX веками), включает в себя также аллюзии на библейский временной пласт.

Время жития, в восприятии писателя, не застыло, не остановилось в тесных рамках канонической агиографии, «клятые вопросы» еще не нашли разрешения в русской истории.

Во втором параграфе *«Агиографический дискурс в романе “Похвала Сергию”»* доказывается, что для текстового воплощения креативной рецепции житийного предтекста автору необходимо выстроить агиографический дискурс. Художественный дискурс представляет собой специфическую разновидность эстетической памяти. Под агиографическим дискурсом целесообразно понимать устойчивую систему взаимоотношений в триаде «автор – герой – читатель» с точки зрения проблемы коммуникативных стратегий.

В романе Д.М. Балашова, как и в тексте-прототипе, соблюдена ценностно-смысловая дистанция между агиографом и персонажем. Между агиографическим повествователем и главным героем устанавливаются отношения, основанные на принципе аксиологической иерархии: тот, кто рассказывает житие, изначальноотягощен грехом, этот первородный грех роднит его с потенциальным читателем и противопоставляет святому, свободному от греха (Ю.Б. Шатин). Агиографический повествователь – носитель коллективной вины. Таким образом, коммуникативная ситуация в каноническом тексте предполагает активное сотворчество читателя. В романе «Похвала Сергию» происходит совмещение двух рецептивных субъектов – автора-повествователя и собственно читателя. В то же время подобная коммуникативная ситуация определяет ряд особенностей, характеризующих эстетику агиографического дискурса: ориентацию на житийный канон, сакральный характер языка («житийное слово»).

Конвенциональным дискурсом в агиографии является «житийность», транслируемая в романе Д.М. Балашова автором-повествователем.

Креативный характер авторской рецепции в «Похвале Сергию» нацелен на усвоение и восстановление жанрово-стилевой традиции. Агиографический стиль – один из элементов канона, служащий наряду с традиционными мотивами распознаванию кода жанра, установлению типологических литературных связей и параллелей на интертекстуальном уровне, подключает читателя к соответствующему восприятию сюжета, героя и миробраза.

Стиль романа в отдельных, наиболее репрезентативных чертах родственен экспрессивно-эмоциональному стилю конца XIV–XV века. Писатель использует типичные приёмы стиля «плетения словес» (перечисление признаков предмета, повтор слов и деталей, разложение в повествовании родовых понятий на видовые, градация, симметрия). Названные приемы позволяют автору романа более последовательно вести повествование, быть внимательным к частностям, фиксировать их, наполнять особым значением.

Вторая глава *«Трансформация агиографического канона в романе конца XX века»* состоит из трех разделов. Первый раздел *«Жанровый код в “романе-житии” С. Василенко “Дурочка”»* посвящен поэтике наиболее репрезентативного произведения, ориентированного на агиографическую традицию. Художественный код, в котором на «генетическом» уровне заложена информация о «памяти жанра», вынесен в романе С. Василенко «Дурочка» за рамки основного текста и имеет немаловажное значение для осмысления его содержания. В центре персонажной системы романа образ праведницы, основа сюжета – «жизнеповедение» этого типа личности, жизнь которого есть путь к Богу. Повествовательная структура произведения мотивирована двуплановостью за счет привлечения евангельского интертекста. Художественный метод, позволяющий С. Василенко воплотить концептосферу житийной литературы, наследует принципы средневекового символического реализма. Для воссоздания художественной картины мира автором используются законы иконографии.

Второй раздел *«Трансформация канона агиографии в прозе Л. Улицкой»* состоит из двух параграфов. В первом *«Житийный вставной текст в романе “Казус Кукоцкого”»* выявляются агиографические реминисценции как прием создания образа персонажа. К персонажам житийного типа в романе относится Василиса. Автор описывает внешность героини по иконографическому трафарету, удлиняет ее фигуру, не соотносит части тела в пропорции. Портретная характеристика Василисы носит сакральный характер, который коррелирует с иконографией. Эстетическая версия «портрета-иконы» восходит к изображению облика человека в древнерусской иконописи. ореол святости намечен ассоциативной деталью и выполняет характерологическую функцию. В системе образов Василиса относится к ограниченному кругу

воцерковленных персонажей, наделена религиозным сознанием. Соблюдение ритуалов богопочитания стало для нее необходимостью, нескрываемой от домочадцев. Житейская мудрость проявляется в ее взглядах на окружающий мир и на отношения людей в нем. Автор-повествователь отмечает необычность этого молчаливого человека. В романе отсутствуют внутренние размышления «слезливой» Василисы. Характеру героини свойственны потаенность, сокрытость страдания, отказ от обращенности на себя, что свидетельствует о ее христианском мироощущении. Этическая система романа, где каждый из героев отражает особую поведенческую стратегию, обогащается точкой зрения верующей Василисы.

Одиннадцатая глава представляется сознательно насыщенной устойчивыми житийными мотивами и деталями, которые создают ореол святости и декодируют поведение героини. Образ Василисы соотносится с архетипом «чудесного ребенка», отмеченного Богом. В русском фольклоре есть мотив ослепления персонажей волшебной сказки. Окончательная слепота героини к финалу романа помимо реалистической мотивировки объясняется приобщением к инобытийной сфере жизни. Послеоперационное прозрение внушает Василисе уважение к себе как объекту «личной Божьей любви».

Писательское стремление дать полную характеристику второстепенному персонажу обусловило смену закрепленного за героиней амплуа: от служанки до праведницы. Это обстоятельство позволило автору обновить жанр «семейного романа», включить в структуру произведения вставной эпизод, который восходит к агиографической традиции.

Второй параграф *«Жанровые установки агиографии в романе „Даниэль Штайн, переводчик“»* доказывает, что Л. Улицкая использует в трансформированном виде агиографические мотивы, позволяющие презентовать заглавного героя как персонажа житийного типа. При всей сложности идейно-художественного содержания произведения и с учетом того, что Даниэля Штайн официально не признан Церковью святым. В поэтике романа можно выявить жанровые черты древнерусской житийной литературы.

В выстроенной автором ахронной системе характеристик персонажа (нарушающей стереотип восприятия от рождения до смерти, что свойственно патериковому житию, где нет последовательного описания жизни) на мотивном уровне проявляются агиографические реминисценции, расширяющие представление читателя о главном герое. Образ святого в романе архетипичен и соотносится с мифологемой «чудесного ребенка». Святой отличается от сверстников, что подчеркивает богоугодность его существования. Это мотивирует конфликт между праведником и его окружением, семьей. Особый статус праведного человека в среде невоцерковленных людей акцентируется их

отрицательным отношением к нему. Описание внешности Даниэля связано с мотивом «худых риз», одним из самых распространенных в житийной литературе. Реализация житийного мотива чудесных видений позволяет автору-повествователю не только расширить характеристику главного персонажа, но и границы реалистического мирообраза, создаваемого в произведении. Внутреннему взору Даниэля в условиях соблюдения святых таинств открывается метафизическая реальность.

В древнерусском патерике образ святого персонифицировал одну черту-доминанту, особый дар, что подчеркивалось наличием в монашеском именованном «эпитетов-прозвищ». Заглавие романа отражает подобную установку: эпитет «переводчик» в значении «посредник между Богом и людьми» указывает на главное дело жизни Даниэля Штайна.

Архитектоника произведения основана на принципах патерика, жанровая модель которого определяет такие свойства романа, как документальность, стиливую нейтральность повествования, соблюдение парности в построении образной системы, разомкнутость хронотопа (настоящее – библейское время / пространство), введение мотивов «худых риз», демонологических видений, дружбы человека и животного и др.

Жанровая природа романа Л. Улицкой связана с агиографическим каноном и вместе с этим воплощает качественно новое образование – «агиороман».

В третьей главе «**Репрезентация феномена святости в иноментальном контексте**» исследуются формы проявления «агиографического интертекста» в жанрах популярной литературы. Одной из форм воплощения литературной традиции является ее фоновое присутствие. Агиографическая традиция функционирует в жанрах, противоположных по воплощенным в них типам национальной ментальности. При этом нарушается соответствие между жанровыми инвариантами. Топика жития намеренно обыгрывается, порождаются новые жанровые модели. Принципы агиографии оттеснены наплывом признаков далёких друг от друга жанров.

В первом разделе «*Агиографические концепты в постмодернистской интерпретации (рассказ Г. Сапгира "Человек с золотыми подмышками")*» делаются выводы о том, что постмодернистский контекст разрушает концептосферу русской агиографии. Рассказ Г. Сапгира «Человек с золотыми подмышками» представляет собой деструкцию стереотипов массового восприятия феномена святости. В тексте обыгрывается метафорическое содержание эмблем агиографии в рамках сюжета о неузнанном святом, юродивом.

Произведение построено на травестировании агиографического канона. В повествовании солярный концепт меняет семантику: его бытийное значение замещается бытовым планом интерпретации. Читатель настроен на «смеховое восприятие» сюжета и ожидает окончательного

развенчания культурного героя – святого. В рассказе реализуется эффект обманутого ожидания: реципиент попадает в ситуацию человека чего-то не понявшего, пропустившего что-то важное.

Второй раздел *«Агиографический фон в детективном жанре (А. Иванова “Святая Иоланда”)*» посвящен анализу художественного произведения, в котором совмещены противоположные жанры: агиографические мотивы проступают сквозь жесткую жанровую систему детектива. Схожие мотивы и образы, которые используются одновременно в двух контекстах, приобретают различные, даже полярные по коннотации смыслы.

Специфическое сочетание иконического и эмблематического дискурсов (В.И. Тюпа) – отличительная черта поэтики произведения. В подобном повествовании усложняется семантика отдельных деталей, получающих одновременно и характер бытовой подробности и символики. Образы житийной литературы (распятие, крест, стигматы, розы) в иножанровом контексте становятся уликами.

В третьем разделе *«Сакральный план в “апокалипсическом романе” (А. Трапезников “Похождения проклятых”)*» анализируются другие формы фонового присутствия агиографии. Изложенная в романе историсофская концепция проясняет смысл понятия *«общения святых»* (С. Булгаков): русские святые делают зримой идею Промысла в истории России. Эсхатологическая концепция позволяет автору художественными средствами продемонстрировать *«общение святых»*, сам факт возможности которого обосновывает надежду героев на преодоление апокалипсиса.

В романе феномен *«общения святых»* раскрывается в редукции житийных текстов («свернутых» до упоминания имени святого). В роман включены вставные жанры, воплощающие *«общение святых»*: видения, «повести об иконе», фольклорные нарративы о посмертных чудесах святых, воинские повести и др. Сакральный план романа намечается символическим комплексом *эйдосов* (имя святого, мощи, монастырь, икона и т.п.).

Четвертый раздел *«Агиографический сюжет в иноментальном жанровом контексте (И. Бояшов “Повесть о плуте и монахе”)*» посвящен «народно-смеховому», иноментальному по своей природе, контексту агиографической традиции, который становится своеобразным фоном для ее репродукции в новейшей прозе. В «Повести о плуте и монахе» противопоставляются два концепта-персонажа и две сюжетные линии.

Плут и монах – персонажи разных традиций в русской культуре. Плут – фольклорный персонаж, в сюжете повести он реализует поведенческую стратегию, соответствующую его характеру. Монах – почти всегда книжный персонаж. Он действует в соответствии с

литературным этикетом. Если поведение плута свободно, стихийно, карнавалено, то сознание и поведение монаха «цитатно». Соответствует разнице в поведении героев-концептов и их речевая характеристика: в речи плута проявляются разговорные интонации, в речи монаха – черты книжного стиля. Поэтика «Повести о плуте и монахе» строится на принципе алогизма, что позволяет писателю создать «смеховой антимир» русской культуры, продемонстрировать «многомирность» российской истории XX века и антиномичность национальной ментальности.

В пятом разделе «*Концептосфера агиографии в “клерикальной прозе” (М. Кучерская “Современный патерик”)*» анализируется произведение, раскрывающее иноментальный взгляд на русскую церковную культуру. В тексте отражается концептосфера агиографии, оцениваемая невоцерковленным автором-повествователем. Текст представляет собой структуру, выстроенную на иерархии концептов (главный из которых – Церковь), утрачивающих «смысл аскетической христианской мистики» (Н.А. Бердяев).

Центральным концептом-персонажем агиографии является старец (святой). Автор акцентирует внимание на поведении монахов, в котором реализуется смысл евангельских притч. Действия и поступки персонажей отражают «цитатность» их поведения. Истории из жизни старцев вызывают в памяти читателя приметы агиографического жанра.

В «Современном патерике» содержатся рассказы, которые раскрывают принципы ортодоксального мышления праведников, точнее – отклонения от них, когда идеациональное подменяется конкретно-чувственным (П.А. Сорокин).

Идея воцерковления отражается также в историях прихожан. Как жанр объединяющего характера патерик способен вместить в свой состав (при всем доминировании собственно агиографических текстов) истории прихожан, соотносящиеся с тематической общностью основного текстового материала и единой целевой направленностью – прославлением «храбров духа». В провоцирующих ситуациях, в которые ставит писательница не столько самих монахов, исполняющих свой обет, но, прежде всего, читателя, посмеивающегося над ними, демонстрируется точка зрения чуждого монастырскому миру повествователя. Иноментальной структурой, оценивающей традицию, является сознание невоцерковленного читателя, которому не хватает мудрости и необходимого жизненного опыта для корректной ее оценки. Для «Современного патерика» иноментальным контекстом функционирования житийной традиции становится «мир», современное социокультурное пространство, мирское сознание читателя.

Таким образом, русская проза конца XX – начала XXI века активно обращается к традиции агиографии.

Жития являются основой для продуктивных жанровых форм их креативной рецепции. Особенности рецепции агиографии обусловлены спецификой художественного мышления современного автора. Обращение к «чужому тексту» даёт возможность включить собственный нравственный и культурно-исторический опыт своего времени в диахронный исторический и вечностный контекст и наполнить предтекст новым идейно-художественным содержанием.

Актуализация традиции способствует идейно-художественному обновлению романа. В архитектуральном его основании проявляются принципы агиографического канона. Феномен святости, постигаемый повествователем, объемлет формально-содержательную целостность текста, вбирая в себя особенности системы персонажей, сюжета и пространственно-временной организации произведения. Изменение типологических свойств воплощается в новом видовом образовании – «агиоромане». Элементы житийной традиции выстраивают художественную логику, связи между персонажами, форму повествования. Для поэтики жанра существенными также являются иконографические параметры.

Фоновое воплощение традиции заметно в жанрах middle-литературы. Традиция агиографии проявляется в иножанровых художественных контекстах и представляет собой сложное поле интертекстуальной игры с константами агиографической картины мира. Агиографические концепты, являющиеся заимствованными из значимой культурно-исторической парадигмы, по-новому интерпретируются современными авторами. В новейших инвариантах жития происходит трансформация жанровой топике, код которой распознается читателем.

В заключении диссертации подводятся итоги исследования, намечаются пути и перспективы дальнейшего изучения агиографической традиции в русской литературе XXI века, формулируются основные выводы.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в реферируемых научных журналах, входящих в перечень ВАК

1. Бычков Д. М. «Средневековая душа»: художественные функции образа житийного персонажа в романе Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» / Д. М. Бычков // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований. – 2009. – № 3. – С. 129–135. (0,6 п.л.) – ISSN 1818-4936.

2. Бычков Д. М. Иконографический интертекст в современном агноромане / Д. М. Бычков // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований. – 2011. – № 2. – С. 138–147. (0,9 п.л.) – ISSN 1818-4936.

3. Бычков Д. М. Система стилевых признаков агиографической традиции в романе Д.М.Балашова «Похвала Сергию» // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований. – 2011. – № 3. – С. 124–133. (0,9 п.л.) – ISSN 1818-4936.

Публикации в других изданиях:

4. Бычков Д. М. «Где оно, расстояние в шесть столетий?..» Житийная картина мира в русской прозе конца XX века: специфика хронотопа / Д. М. Бычков // Художественная картина мира в фольклоре и творчестве русских писателей : коллективная монография / Ю. В. Бельская, Д. М. Бычков, Т. Ю. Громова, Е. Е. Завьялова и др. ; под ред. Г. Г. Исаева. – Астрахань : Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2011. – С. 263–298. (2,1 п.л.) – ISBN 978-5-9926-0454-2.

5. Бычков Д. М. Современная житийная проза о Сергии Радонежском в аспекте агиографической элитологии / Д. М. Бычков // Вестник элитологии : философия, культура, политика. Ежегодный альманах астраханского элитологического сообщества (коллективная монография). – Т. 5. – Астрахань, 2006. – С. 35–41. (0,6 п.л.) – ISBN 978-5-903285-68-6.

6. Бычков Д. М. Современная литература в диалоге с древнерусской литературной традицией (конспективное изложение перспективных тенденций) / Д. М. Бычков // Язык и литература в условиях многоязычия : материалы Республиканской научно-практической конференции, посвящённой 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав России и Году русского языка. – Нефтекамск : РИО БашГУ, 2007. – С. 162–168. (0,6 п.л.) – ISBN 978-5-7477-1797-8.

7. Бычков Д. М. Сказка в протожанровой основе современного житийного инварианта (на примере романа-жития «Дурочка» С. Василенко) / Д. М. Бычков // Сказка : научный подход к детскому жанру : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Нижний

Тагил, 24–25 апреля 2008 г.) : в 2 ч. – Ч. II / отв. ред. А. Н. Садриева. – Нижний Тагил, 2008. – С. 19–24. (0,5 п.л.) – ISBN 5-8299-0108-0.

8. Бычков Д. М. «Житийная» картина мира в современной прозе: «Дурочка» С. Василенко и «Даниэль Штайн, переводчик» Л. Улицкой / Д. М. Бычков // Картина мира в художественном произведении : материалы Международной научной Интернет-конференции (20–30 апреля 2008 г.) / сост. : Г. Г. Исаев, Е. Е. Завьялова, Т. Ю. Громова. – Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2008. – С. 102–107. (0,5 п.л.) – ISBN 978-5-9926-0101-5.

9. Бычков Д. М. «Изоморфность» поэтики романа-жития С. Василенко «Дурочка» (о художественном синтезе новейшей «агиографии» и древнерусской иконописи) / Д. М. Бычков // Традиционная славянская культура и современный мир : материалы III Кирилло-Мефодиевских чтений (г. Астрахань, 22 мая 2008 г.) / сост. и науч. ред. Л. В. Спесивцевой. – Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2008. – С. 17–26. (0,9 п.л.) – ISBN 978-5-9926-0211-1.

10. Бычков Д. М. Агиографические модели в новейшей прозе: уровни проявления традиции и типология модифицированных форм литературного жития / Д. М. Бычков // Материалы XXXI Зональной конференции литературоведов Поволжья : в 3 ч. – Ч. 2. / предисл. А. М. Калимуллина. – Елабуга : Изд-во ЕГПУ, 2008. – С. 58–61. (0,3 п.л.) – ISBN 978-5-9662-0031-2.

11. Бычков Д. М. О жанровой идентификации портрета «Сергий Радонежский» в цикле Ю. Н. Куранова «Пересечение граней» / Д. М. Бычков // Жанры в историко-литературном процессе : сб. науч. ст. / под ред. Т. В. Мальцевой. – СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2008. – Вып. 4. – С. 247–255. (0,8 п.л.) – ISBN 978-5-8290-0735-5.

12. Бычков Д. М. Культурфилософия «Новое Средневековье» и актуальные проблемы эволюции русской литературы XX века / Д. М. Бычков // Materialy Międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji «Strategiczne pytania światowej nauki – 2009». – V. 9 : Filologiczne nauki. Psychologia i socjologia. Muzuka i życie. – Przemysl : Nauka i studia. – S. 67–70. (0,3 п.л.) – ISBN 978-966-8736-05-6.

13. Бычков Д. М. Агиографические способы воплощения образа главного героя в романе Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» / Д. М. Бычков // Литературный персонаж как форма воплощения авторский интенций : материалы Международной научной Интернет-конференции (г. Астрахань, 20–25 апреля 2009 г.) / под ред. Г. Г. Исаева ; сост. : Т. Ю. Громова, Д. М. Бычков. – Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2009. – С. 211–219. (0,8 п.л.) – ISBN 978-5-9926-0194-7.

14. Бычков Д. М. Художественное воплощение «общения святых» в романе А. Трапезникова «Похождения проклятых» // Вопросы

лингвистики и литературоведения. – 2009. – № 4. – С. 32–40. (0,8 п.л.) – ISSN 2074-1715.

15. Бычков Д. М. Оформление «неосредневековой» отдельности в пограничной области структуры современной русской литературы / Д. М. Бычков // Пограничные процессы в литературе и культуре : сборник статей по материалам Международной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Василия Каменского (17–19 апреля 2009 г.) / общ. ред. Н. С. Бочкарева, И. А. Пикулева; Пермский университет. – Пермь, 2009. – С. 76–78. (0,2 п.л.) – ISBN 978-5-7944-1354-0.

16. Бычков Д. М. Концепт «свет» в «неоагиографии» Д.М. Балашова / Д. М. Бычков // Художественная концептосфера в произведениях русских писателей : сб. науч. статей. / ред. и сост. М. М. Полехина. – Магнитогорск : МаГУ, 2010. – Вып. II. – С. 270–277. (0,7 п.л.) – ISBN 978-5-86781-789-3.

17. Бычков Д. М. Иконографические принципы в поэтике современной житийной романистики («Дурочка» С. Василенко и «Казус Кукоцкого» Л. Улицкой) / Д. М. Бычков // Вопросы лингвистики и литературоведения. – 2010. – № 1. – С. 15–21. (0,6 п.л.) – ISSN 2074-1715.

18. Бычков Д. М. К вопросу о рецепции агиографии в романе Д.М. Балашова «Похвала Сергию» / Д. М. Бычков // Анализ и интерпретация художественного произведения : материалы XXXII Зональной конференции литературоведов Поволжья / науч. ред. Г. Г. Глинин. – Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2010. – С. 41–44. (0,3 п.л.) – ISBN 978-5-9926-0406-1.

19. Бычков Д. М. Агиографические концепты в рассказе Генриха Сапгира «Человек с золотыми подмышками» / Д. М. Бычков // Когнитивный подход к анализу и интерпретации художественного произведения : Материалы Всероссийской научной заочной конференции (г. Астрахань, 18–25 апреля 2011 г.) / под ред. проф. Г. Г. Исаева; сост. : Г. Г. Исаев, Е. Е. Завьялова, Т. Ю. Громова, Д. М. Бычков. – Астрахань : Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2011. – С. 127–132. (0,5 п.л.) – ISBN 978-5-9926-0466-5.

20. Бычков Д. М. Некоторые особенности рецепции агиографии в творчестве Д. М. Балашова / Д. М. Бычков // Святоотеческие традиции в русской литературе : материалы I Всерос. интернет-конф. с междунар. участием / [отв. ред. В. В. Соломонова, С. А. Демченков]. – Омск : Вариант-Омск, 2010. – С. 168–172. (0,4 п.л.) – ISBN 978-5-94754-14-3.

Заказ № 2482. Тираж 120 экз.
Уч.-изд.-л. 1,1. Усл.-печ. л. 1,8.

Издательский дом «Астраханский университет»
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20
Тел. (8512) 48-53-47 (отдел маркетинга), 48-53-45 (магазин),
48-53-44, факс: (8512) 48-53-46.
E-mail: asupress@yandex.ru